

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

«Этнический состав древней Ферганы периода до образования западного тюркского каганата, т. е. до 50—60 гг. VI в., до сих пор еще не изучен».

(А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 4).

А. Ю. Якубовский неоднократно обращался к изучению одной из наиболее сложных и актуальных проблем истории народов Средней Азии — к проблеме этногенеза и много сделал для решения ее¹. В своих исследованиях он выдвинул и обосновал конкретными фактами следующее важное положение: «Все народы, живущие на территории Средней Азии, связаны между собой не только политически, экономически и культурно, но в какой-то мере и этногенетически»². Это характерно особенно для исторических судеб таджикского и узбекского народов. Совершенно справедливо А. Ю. Якубовский указывал на то, что узбекский народ сформировался задолго до появления в XV в. кочевников-узбеков и что свою оседло-земледельческую культуру он создавал на базе культуры древнего населения Чача и Ферганы, Согда и Хорезма.

Чрезвычайно важно также заключение А. Ю. Якубовского о том, что «...вся история тюркского населения Мавераннахра, а в древности Согда, Хорезма, Ферганы, Шаша (Ташкентской области), есть история узбекского народа»³.

А. Ю. Якубовского интересовали главным образом вопросы этногенеза народов Средней Азии в эпоху средних веков. Поэтому, характеризуя, например, население Ферганы, он не касался слабо изученного древнего периода истории и считал возможным говорить о появлении тюрков и об отюречивании местного населения только с VI—VIII вв. Материалы, появившиеся в последние годы, позволяют осветить, — правда, в общей форме, — некоторые стороны вопроса об этническом составе древней Ферганы.

¹ Этой теме посвящены широко известные специальные работы А. Ю. Якубовского: К вопросу об этногенезе узбекского народа, 1941; Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54; Предисловие и ряд разделов в «Истории народов Узбекистана», т. I, 1950; в I и II томах Трудов ТАЭ (СТАЭ) — МИА, № 15, 1950 и МИА, № 37, 1953; рецензия на книгу Б. Гафурова «История таджикского народа» — «Вопросы истории», 1950, № 7.

² [А. Ю. Якубовский]. История народов Узбекистана, т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950, предисловие, стр. 7.

³ История народов Узбекистана, т. I, стр. 8.

Краткие, но содержательные сведения китайских хроник, а также некоторые палеоантропологические материалы являются пока основными источниками для характеристики населения древней Ферганы¹.

В Ферганской долине антропологические материалы первых веков нашей эры обнаружены в ряде пунктов (см. таблицу). Они происходят из катакомбных погребений могильника Гур-мирон (раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г.) и Кара-джар (работы Н. Н. Забелиной, 1953 г.), могильника Ширин-сай у Беговата (исследован В. Ф. Гайдукевичем, 1943—1944 гг.), курганов у селения Варух (раскопки Б. А. Литвинского, 1952 г.), из наземных склепов — мугхона (раскопки М. Э. Воронца и В. И. Спришевского, 1950—1951 гг.), из пещеры Кува-сай (обследована сотрудником Ферганского музея Н. Г. Горбуновой), древних выработок в Хайдаркане и из района Лугумбек на трассе Большого Ферганского Канала.

Антропологические находки в Фергане первых веков нашей эры

Антропологический тип	Север		Восток		Юг			Запад	Всего
	Гур-мирон	Муг-хона	Лугумбек	Кара-джар	Кува-сай	Хайдаркан	Варух	Ширин-сай	
Европеоидный	8	2	—	1	5	—	1	—	17
Европеоидный „андроновский“	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья	5	—	2	—	7+3	1	3	—	21
Европеоидный долихокранный	—	—	1*	—	—	—	1	2	4
Монголоидный брахикранный, близкий южносибирскому	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Долихо-мезокранный урало-алтайский	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Европеоидные, смешанные с другими типами	—	—	2	—	—	—	—	2	4
	15	2	5+1	1	7+1+7**	1	5	6	51

* Череп найден возле городища Кайноват. Отнесение его к первым векам нашей эры вызывает сомнение.

** Семь черепов взрослых особей, один — ребенка 8—9 лет и 7 черепов — детей от 2 до 5 лет.

Кроме того, известно одно погребение в культурном слое на городище древнего Касана VI—VIII вв. Могут быть также привлечены и антропологические материалы, полученные из Кукальдинского могильника (V—VII вв.) в Алайской долине. Эти материалы исследованы В. В. Гинзбургом (череп из Гур-мирона и Кува-сай², Кара-джара³ и Хайдаркана⁴), В. Я. Зезенковой (из Муг-хона, Лугумбека⁵ и Варуха⁶) и М. М. Герасимовым⁷. В Фергане для этого времени известно всего около 50 черепов.

Исследованиями выявлено существование следующих основных и смешанных антропологических типов населения древней Ферганы: 1) евро-

¹ При написании работы автор пользовался консультацией и неопубликованными материалами В. В. Гинзбурга, которому и приносит глубокую благодарность.

² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Ферганской долины в первых веках нашей эры (рукопись хранится в секторе Средней Азии и Кавказа ИИМК).

³ Определение В. В. Гинзбурга не опубликовано.

⁴ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. (Гуны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира). КСИЭ, XI, 1950, табл. 2, № 18.

⁵ В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953, стр. 98—101.

⁶ Материал не опубликован.

⁷ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

пеоидный «андроновского» типа; 2) европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский); 3) европеоидный долихокранный тип; 4) монголоидный брахикранный, близкий южносибирскому типу; 5) долихо-мезокранный урало-алтайский тип и 6) европеоидные, смешанные с другими типами.

В древней Фергане обитали, следовательно, представители двух основных больших рас — европеоидной и монголоидной. Подавляющее большинство исследованных черепов принадлежит европеоидному типу; только семь черепов из пятидесяти относятся к монголоидному и смешанному.

Среди европеоидного типа выделяются несколько разновидностей или рас второго порядка. Первое место занимает европеоидный брахикранный — 14 черепов, затем долихокранный тип — 3 черепа и «андроновский» — 2 черепа. В древней Фергане основным расовым типом являлся, как и в ряде других областей Средней Азии, европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский), характерный и для современных обитателей Ферганской долины.

Местное население древней Ферганы существовало и развивалось не изолированно, смешиваясь и включая в свой состав отдельные группы населения западного и восточного происхождения. В нем был представлен в незначительном количестве и долихокранный европеоидный тип. Известно, что Аму-Дарья является в Средней Азии границей между зонами распространения европеоидного населения долихокранного и брахикранного типа; в древности же отдельные группы населения долихокранного типа проникали довольно далеко за Аму-Дарью.

На территории от Аму-Дарьи до Семиречья в разных местах неоднократно отмечались единичные находки черепов долихокранного типа, относящиеся к первым векам нашей эры. Появление их в Фергане, возможно, следует рассматривать наряду с обнаружением некоторых черепов, очевидно, южного происхождения¹, как свидетельство о связях и проникновении населения из южных и юго-западных областей Средней Азии.

На материалах Ферганы и некоторых других областей, как полагает В. В. Гинзбург, можно проследить развитие европеоидного типа Среднеазиатского междуречья из более древнего и более грубого европеоидного, — называемого «андроновским»². «Андроновский» тип в значительно большем количестве представлен в Семиречье и в Восточном Казахстане и, очевидно, был более характерен для населения этих районов³. Открытие черепов такого типа в погребениях Ферганы первых веков нашей эры служит доказательством сходства в антропологическом отношении части ее жителей с населением северо-востока Средней Азии, в первую очередь Семиречья и Тянь-Шаня.

О восточных связях, имея в виду и юго-восточные (Синьцзян), а также о возможном проникновении в Фергану отдельных групп населения с востока и юго-востока можно судить по находкам черепов совсем иного — монголоидного расового типа в Лугумбеке (на востоке) и в Ширин-сае (на западе).

Все приведенные факты дают возможность уже сейчас говорить о том, что население древней Ферганы в первой половине I тысячелетия н. э. не являлось однородным в антропологическом отношении и что в его состав спорадически вливались отдельные группы разного антропологического типа. Этнической разнородностью населения Ферганы объясняется,

¹ М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 126 (о черепе с примесью дравидоидных признаков и о черепе хоросанского типа).

² В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов..., стр. 86.

³ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 86; его же. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.). Тр. ИЭ, новая серия, т. XXI, 1954, стр. 362.

очевидно, разнообразие форм погребальных сооружений первых веков нашей эры, открытых на территории долины (погребения в подземной камере, «катакомбе», в подбое, в грунтовой яме, в наземных каменных склепах «мугхона», в «каменных ящиках» и в пещере)¹.

К выяснению этнического состава обитателей древней Ферганы можно прийти только косвенным путем. Основная масса их на рубеже нашей эры и первых веков нашей эры в антропологическом отношении была одинакова с населением Среднеазиатского междуречья и очень сходна с населением Нижнего Поволжья, Казахстана, Киргизии и особенно Восточного Туркестана². На обширной территории от нижней Волги до Восточного Туркестана и от Восточного Казахстана до Аму-Дарьи в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры обитало европеоидное брахикранное население, близкое между собой в антропологическом отношении. Сходство расового типа жителей этой огромной территории, однако, еще не свидетельствует об их этнической однородности. Письменные источники сохранили названия многочисленных племен и народностей, обитавших в это время: сарматы, аланы, тохары, кангюйцы, усунь, саки, париканий (даваньцы — ферганцы), согдийцы, бактрийцы и многие другие.

Об этническом сходстве населения Среднеазиатского междуречья можно судить по сообщению китайской хроники Шицзи (I в. до н. э.), в котором подчеркнуто вместе с тем и значительное отличие отдельных народностей. Сыма Цянь (автор Шицзи) пишет: «От Давани (Ферганы) на запад до государства Аньси (Парфия), хотя довольно различна речь, но обычаи очень похожи и друг друга речь понимают. Все эти жители имеют впалые глаза и густые бороды»³. У Бань Гу, автора более позднего источника Цяньхانشу (I в. н. э.), дана почти та же характеристика, но в ней отсутствует слово «обычаи»⁴.

Чрезвычайно важно сообщение этих источников о том, что у родственных народностей Среднеазиатского междуречья языки, так же как и обычаи, были различными, но близкими. Китайцы отметили наиболее характерные признаки, отличающие европеоидное население от монголоидного, — впалые глаза и густые бороды⁵.

Наблюдения китайских авторов подтверждаются сообщением Страбона, сведения которого, очевидно, относятся к несколько более раннему времени: «Впрочем, название Арианы распространяется и на одну часть Персии и Мидии и на северные части Бактрии и Арианы, потому что все здешние народы почти нисколько не различаются по языку» (подчеркнуто мною. — Ю. З.)⁶.

¹ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат. 1954, стр. 14.

² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, новая серия. IV, 1948, стр. 180; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. ИЭ, новая серия, VII, 1949, стр. 29—32; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. Сб. МАЭ, X, 1949, стр. 261, 262.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 161. Этот отрывок, как и следующий из Цяньхانشу, даем в переводе, уточненном А. Н. Бернштамом в статье «Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины». КСИИМК, XIX, 1948, стр. 63.

⁴ Сходная характеристика населения Восточного Туркестана содержится в Бэйши — источнике VI в.: «От Гаочан на запад жители всех владений имеют впалые глаза, высокий нос; только в Хотане обликом не походят на туркистанцев (Ху), а более походят на китайцев». (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 246).

⁵ На это обстоятельство обращали внимание неоднократно. Последним об этом писал Л. В. Ошанин (К проблеме этногенеза уйгуров. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953, стр. 68).

⁶ Страбон, XV, 2, 8. На указанные сообщения китайских и греческих источников в свое время обратила внимание К. В. Тревер (Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 20).

Население Среднеазиатского междуречья в это время, по всей вероятности, как устанавливают языковеды, говорило на близких и родственных языках и диалектах восточноиранской семьи языков. О языке непосредственно древних ферганцев в нашем распоряжении нет пока прямых данных. Более поздние авторы — китайские путешественники VII—VIII вв. Сюань Цзан и Хой Чао указывали на существование особого ферганского языка: «Их язык отличается от языков соседних стран», — пишет Сюань Цзан (первая треть VII в. н. э.) о населении Ферганы¹. Через 100 лет Хой Чао повторяет то же самое: «Язык (жителей Ферганы. — Ю. З.) совершенно отличен и не одинаков с языками других стран»². Основываясь на этих сообщениях, можно говорить о существовании уже в VII в. особого ферганского языка, выделение и обособление которого из круга древних восточноиранских языков следует отнести, возможно, к более раннему времени.

Письменные источники, таким образом, дают возможность заключить, что население Среднеазиатского междуречья и, в частности, Ферганы, имело характерный европеоидный тип и говорило на различных, но родственных диалектах и языках, по всей вероятности, близких согдийскому, и в этническом отношении было в известной степени сходно.

На основании приведенных выше сообщений и антропологических материалов, подтверждающих друг друга, можно, следовательно, считать, что основное оседло-земледельческое население древней Ферганы было европеоидным, говорило на языке, очевидно, близком согдийскому и другим языкам восточноиранской группы, и ставить вопрос о сложении в первых веках нашей эры древнеферганской народности. Показателем существования такой народности могут служить черты общности в материальной культуре на всей территории Ферганской долины. Выразительной особенностью древнеферганской культуры является широкое распространение своеобразного, растительного и геометрического процарапанного орнамента на красноангобированной глиняной посуде, неизвестного нигде за пределами Ферганы.

Развитие экономики древней Ферганы, основывавшееся на расцвете ирригационного земледелия, подъеме ремесла и городской жизни³, создало все условия для сложения такой народности.

Древнеферганская народность эпохи рабовладельческих отношений, насколько можно сейчас представить, складывалась в результате сближения и длительного смешения разнородных групп населения. В сложении ее принимали участие, вероятно, сако-усуньские племена, обитавшие в горной полосе вокруг Ферганы, и, возможно, некоторые другие.

Начиная с середины I тысячелетия до н. э. (могильник Ак-тым) и до рубежа нашей эры население Ферганы, как и ряда других районов, вероятно, было однородным в расовом отношении. Проникновение групп монголоидного населения, повидимому, намечает второй этап этногенетического процесса. На территории Средней Азии уже в 12 пунктах обнаружены черепа монголоидного типа или с примесью монголоидных признаков, относящиеся к первым векам нашей эры. Они найдены в Восточном Казахстане и Семиречье, в Ташкентском оазисе и Фергане и даже на территории Северной Бактрии в могильнике Туп-хона. Значение этих находок велико,

¹ S. Beal. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World. London, 1884, стр. 30, 31.

² W. Fuch. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, XXX, 1938, стр. 452; А. Н. Бернштам. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726 г. н. э.). ВДИ, 1952, № 1, стр. 193 и А. М. Мандельштам. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Автореферат. М.—Л., 1951, стр. 12, 13; его же. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. СА, XX, 1954, стр. 71.

³ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана (научно-популярный очерк). Ташкент, 1951, стр. 17 и сл.

поскольку они показывают довольно широкое распространение в первых веках нашей эры монголоидного типа, особенно в северо-восточной части Средней Азии.

Вместе с распространением групп монголоидного населения и монголизацией части местных обитателей, в том числе и жителей Ферганы, возможно, начинается и процесс тюркизации части европеоидного ираноязычного населения; начало его в литературе связывают с движением гуннов¹.

Развитие этого процесса связано с проникновением в Фергану значительных масс тюрков в середине I тысячелетия н. э. Обитание тюркских племен и политическое господство тюрков в Фергане в VI—VIII вв. — хорошо известный факт, засвидетельствованный китайскими и арабо-персоязычными источниками.

Реальным доказательством появления тюркских племен, как полагает В. В. Гинзбург, может служить антропологический материал Кукальдинского могильника V—VII вв. в Алайской долине, в котором представлен и ярко выраженный южносибирский тип².

А. Ю. Якубовский писал о том, что тюркизация населения Ферганы и Чача произошла значительно раньше, чем в Согде. Доказательством могут служить находки трех рунических надписей VI—VIII вв. на обломках керамики в разных местах Ферганы³, свидетельствующие о распространении здесь тюркского языка. Длительное смешение местного населения с пришлым тюркоязычным приводит к образованию древнеузбекской народности⁴.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Население древней Ферганы в этническом отношении было разнородным. Основная масса оседло-земледельческого населения ее, очевидно, родственна согдийцам Зеравшана и Усрушаны, а в антропологическом отношении принадлежала к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междуречья, характерному и для современной Ферганы. С рубежа нашей эры появляются отдельные группы монголоидного населения.

Имеющиеся материалы позволяют ставить вопрос о том, что в Фергане на рубеже нашей эры происходил процесс сложения древнеферганской народности, имевшей характерные черты материальной культуры, некоторую общность хозяйственной жизни и, видимо, заметные отличия по языку. Эта народность в дальнейшем явилась одним из компонентов при сложении таджикской и узбекской народностей.

Начавшийся с рубежа нашей эры длительный процесс сближения и смешения местного, европеоидного по типу, населения с пришлыми группами монголоидного расового типа и, очевидно, тюркоязычными приводит в дальнейшем к формированию узбекского народа и современной узбекской нации, имеющей общих предков с таджикским народом⁵.

¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949, стр. 359 и сл. и другие работы этого автора; В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня..., стр. 374, 380 и сл.; Л. В. Ошанин. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии. Сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 82 и сл.

² В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня..., стр. 377, 378.

³ Фрагмент керамики с рунической надписью найден экспедицией А. Н. Бернштама на Ош-Хона-тепе в районе г. Ферганы, другой фрагмент — в долине Исфары (см. Б. Литвинский, Е. Давидович. Археологические работы в Ленинабадской области. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, II, 1952, стр. 137); третья находка хранится на кафедре археологии САГУ; уйгурская надпись VIII—IX вв. опубликована А. Н. Бернштамом — «Уйгурская надпись из Эрши (Фергана)». «Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 101—105.

⁴ Несомненно значительная роль ферганских элементов и в этногенезе южных киргизов, однако этот вопрос еще совсем не изучен.

⁵ За марксистское освещение истории таджикского народа и истории его культуры. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, II, 1952, стр. 8; ср. С. П. Толстов. Бируни и его время. Сб. «Бируни». М., 1950, стр. 13.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

69

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ДАЛЬВЕРЗИНСКОЕ СЕЛИЩЕ

За последние годы усилилось внимание к изучению памятников бронзового века Средней Азии. Проводилось изучение культур Анау в Южной Туркмении (М. Е. Массон, Б. А. Куфтин, В. М. Массон, С. А. Ершов), исследованы курганы в долине Зеравшана (Я. Г. Гулямов), открыты новые поселения и курганы в Хорезме (С. П. Толстов) и в Фергане (М. Э. Воронец, В. И. Спришевский, Н. Г. Горбунова, Б. Э. Гамбург). В результате накопления новых фактов и материалов наметились существенные сдвиги в разработке одного из наименее изученных ранее периодов в среднеазиатской археологии — эпохи бронзы.

В 1950 г. М. Э. Воронец нашел первый в Ферганской долине бесспорный памятник эпохи бронзы — Чустское селище. Оно расположено севернее города Чуст, Наманганской области, на холме среди низин в пойме р. Гава. В результате раскопок на поселении, проведенных М. Э. Воронцом¹ (1951 г.) и особенно В. И. Спришевским² (1953—1955 гг.), получены обильные материалы, характеризующие хозяйство, культуру и быт населения Чустской стоянки. На поселении обнаружена своеобразная расписная керамика, а вместе с ней в слое найдены многочисленные изделия и орудия из бронзы, камня и кости, позволившие с достоверностью отнести памятник к эпохе бронзы. Открытие Чустского селища свидетельствует о существовании в Ферганской долине бесспорных памятников эпохи бронзы (с расписной керамикой), наиболее древних среди известных в настоящее время оседлых поселений Ферганы.

Материалы Чустской стоянки имеют важное значение для археологии Средней Азии, поскольку памятники эпохи бронзы, особенно в Среднеазиатском междуречье, почти не изучены.

Очень интересно для расширения наших знаний о культуре бронзового века в Ферганской долине исследование еще одного поселения этой эпохи, обнаруженного у сел. Дальверзин автором настоящей заметки в 1952 г. при археологических разведках по Андижанской области. На поверхности поселения собрано большое количество черепков глиняной посуды³, среди которых есть фрагмент с расписным орнаментом в виде решетки, нанесен-

¹ М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. ИАН Узб. ССР, 1951, № 5, стр. 95; его же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории Узб. ССР, вып. II, 1954.

² В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года). СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76. О работах 1954 г. см. заметки В. И. Спришевского в газете «Правда Востока», № 225 от 22 сентября 1954 г. (г. Ташкент) и в настоящем выпуске КСИИМК.

³ Поступили в Андижанский краеведческий музей.

ным черной краской по коричневому фону. Сравнение находок у сел. Дальверзин с керамикой Чустской стоянки позволило уже тогда говорить о сходстве обоих памятников и предположительно отнести открытое селище к эпохе бронзы⁴. После ознакомления с находками поддержал это мнение и М. Э. Воронец⁵. Повторное обследование поселения в 1954 г.⁶ подтвердило наши предположения.

Расположено селище в восточной части Ферганской долины (в 150 км по прямой от Чуста), на левом берегу р. Кара-Дарьи, в 2 км восточнее сел. Аим, в 300 м к северу от шоссе на сел. Карасу и более чем в километре от русла р. Кара-Дарьи. Селище занимает всю площадку низкого холма размером 560×360 м, который возвышается среди низины на западной окраине больших болот. В прошлом холм, вероятно, находился посреди болот и представлял собой, видимо, галечный останец или намытый островок в древней пойме р. Кара-Дарьи. Край древней береговой террасы в этом месте не выражен четко и начинается примерно в 300 м южнее селища. В результате осушения за последние годы площадь болот сильно уменьшилась; они сохранились только к востоку от селища. Из болот выведен большой мелиоративный канал, проходящий с восточной и южной сторон селища. Высота площадки над окружающей местностью — немногим более 2 м. Селище — неправильной формы и с нечетким контуром, вытянуто в широтном направлении. По условиям расположения оно сходно с Чустским, но площадь значительно превышает площадь Чустского селища (размером 410×210 м) и равняется приблизительно 20 га. В настоящее время часть поселения занята фруктовым садом и посевами, а часть — кладбищем. Площадку в разных направлениях прорезают несколько арыков (рис. 15).

В 1954 г. был снят план селища, заложены 2 шурфа в юго-западной части (несколько более возвышенной) и собран подъемный материал. Керамика на поверхности встречается повсеместно, но особенно много ее в выбросах земли на кладбище в центральной части поселения. На разных участках площадки подобрано несколько плоских зернотерок небольшого размера. Шурф № 1 ($3 \times 2,3$ м) заложен на краю площадки. Под дерновым слоем, с глубины 0,2—0,4 м, начался культурный слой с керамикой, мелкими обломками костей и угольками. В северной стенке шурфа на глубине 1,3 м отмечены фрагменты круглодонного «кухонного» горшка и обломков дна другого подобного же сосуда с отпечатком ткани на внутренней поверхности. В этом слое обнаружены обломки нерасписной посуды, покрытой темно-красной облицовкой. Ниже уровня 1,3 м начался слой плотного лёссовидного суглинка без находок.

В северо-западном углу шурфа вскрыта часть мусорной ямы, в которой на глубине 2—2,05 м найдены 4 фрагмента расписной керамики. Под ними на глубине 2,1 м залегал галечный слой, очевидно материк.

Шурф № 2 ($1,5 \times 1$ м) заложен в 100 м к востоку от первого — на обрыве, где расположено кладбище. Шурф не доведен до материка. В верхних слоях его обнаружено несколько больших обломков керамики и венчик хума с защипами по краю, которые можно датировать раннесредневековым периодом. На глубине около 1 м также найдены фрагменты нерасписной посуды и один обломок с росписью.

Собранная в шурфах и на поверхности керамика относится к двум типам: 1) посуда, покрытая красной облицовкой, подразделяющаяся на расписную (группа «а») и грубую нерасписную (группа «б»), и 2) посуда сероглиняная с дресвой в тесте («кухонная»).

⁴ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 7.

⁵ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 56.

⁶ Южно-Киргизский отряд Киргизской экспедиции Академии наук СССР.

Вся керамика Дальверзинского селища — ручной лепки. Сосуды первого типа изготовлены из плохо промешанной массы; для отошения глины примешивали песок и слюду. Шамот добавляли только при выделке сосудов больших размеров. Посуда изготовлялась ленточным способом. Это особенно хорошо заметно на одном фрагменте, у которого отпала часть такой ленты — полоска глины шириной 3 см. Обжиг сосудов был восстановительный, что говорит о примитивности обжигательных печей, и недостаточно сильный, поэтому в изломе черепок — серого цвета. Посуда покрывалась красной облицовкой, а затем — иногда — лощением. Только после этого сосуды расписывались черной краской (группа «а»). На одном фрагменте ясно проглядывает сквозь черный узор красная облицовка. При обжиге на поверхности сосуда появлялись пятна различных оттенков, начиная от светло-коричневых до черноватых, — это характерная особенность ферганской керамики бронзового века. Основную массу керамики Дальверзинского селища составляют фрагменты грубой нерасписной посуды (группа «б»). В собранной коллекции, насчитывающей больше сотни черепков, оказалось всего только семь с росписью. (Примерно такое же соотношение количества расписной и нерасписной керамики отмечено и для Чустского поселения). По фактуре черепка и массе эта посуда мало отличается от расписной. Обе поверхности ее покрыты облицовкой желтоватого, оранжево-красного и буро-красного цвета, на которой также бывают темные и коричневые пятна от обжига.

1. Чаши большого диаметра (44—46 см). Бортик расписан двумя рядами треугольников, которые соединены так, что образуют ромбовидные просветы. В левой части вершины треугольников свободно свисают и не соединены друг с другом. Эта форма аналогична чашам с Чустской стоянки, имеющим меньший диаметр⁷ 29 см (рис. 16 — 1).

2. Корчага с плавно отогнутым наружу краем. Диаметр горловины — 46 см (рис. 16 — 12).

3. Сосуд, стенки которого расширяются кверху в виде раструба; напоминает по форме сосуд из Чуста⁸ (рис. 16 — 15).

4. Кувшины шаровидной формы с невысоким, отогнутым наружу венчиком разной профилировки. Близкие по форме кувшины встречены в Чусте⁹ (рис. 16 — 13, 14).

5. Небольшие кувшинчики с отогнутым венчиком и с перегибом стенок. Найдены также сосуды подобной формы, имеющие большие размеры (рис. 16 — 10, 11).

6. Плоскодонные небольшие кубки; восстановлен диаметр дна — 6 см (рис. 16 — 17).

7. Плоскодонные горшки с диаметром дна 15—17 см (рис. 16 — 18, 19).

Несмотря на малочисленность расписной керамики, наличие ее на Дальверзинском и Чустском селищах составляет наиболее характерную их особенность.

Расписной орнамент встречается и на толстостенных сосудах больших размеров (толщина стенок — 8—11 мм), и на тонкостенных чашах (толщина стенок — 5 мм), изготовленных более тщательно: их поверхность хорошо заглажена и залощена, орнаментация более аккуратная.

Посуда с Дальверзинского поселения преимущественно плоскодонная. В одних случаях переход от дна к корпусу плавный, в других — придонная часть выступает и образует треугольный в разрезе выступ. Найдены также 2 фрагмента дна с кольцевым выступом — поддоном.

Круглодонной посуды с красной облицовкой пока не обнаружено.

⁷ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 2 — 17.

⁸ Там же, рис. 3 — 19.

⁹ Там же, рис. 2 — 14, 18, № 2.

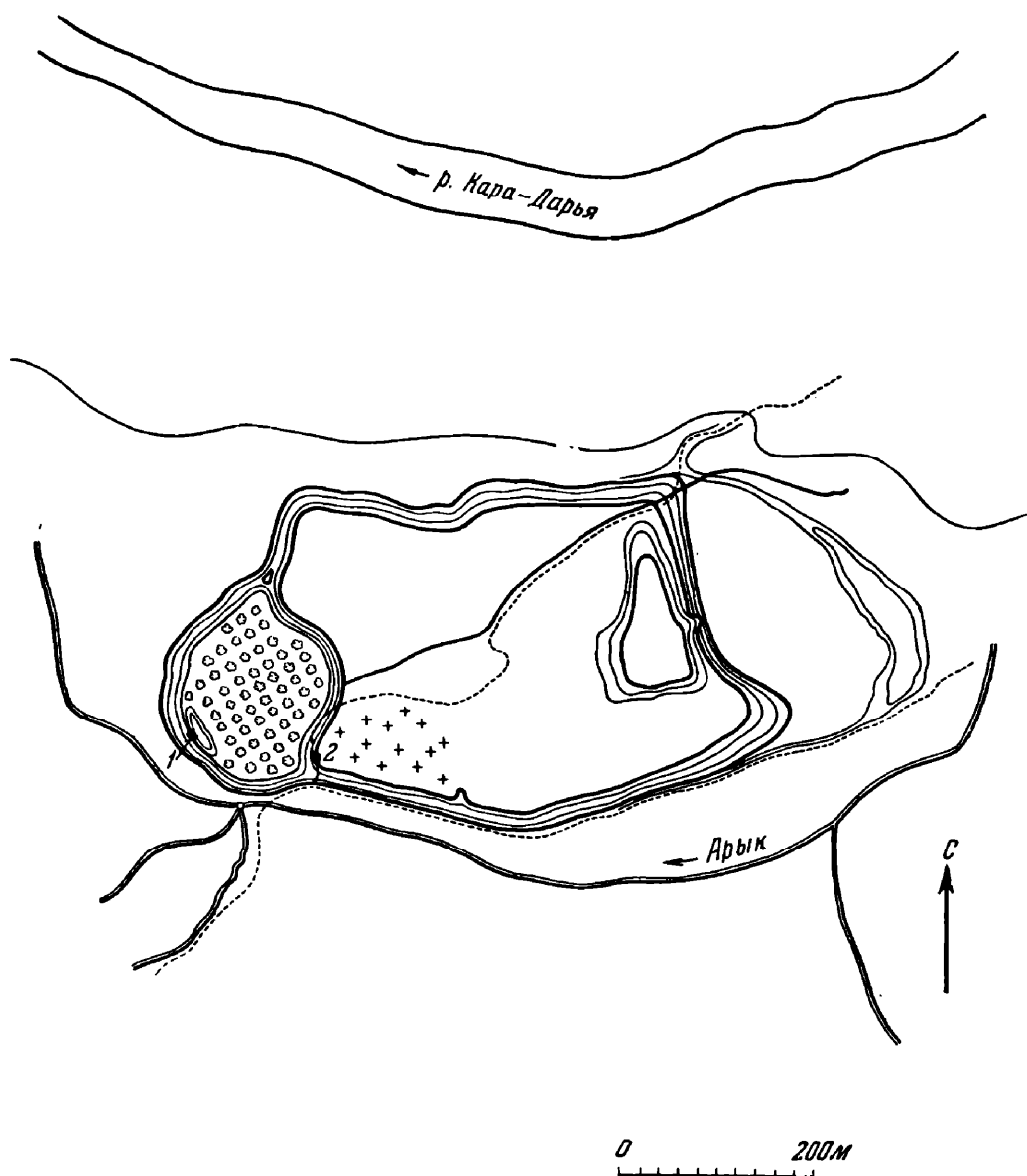

Рис. 15. План Дальверзинского селища.
1, 2 — шурфы.

Керамика второго типа — «кухонная» — изготовлена также ленточным способом с применением шаблона; глиняная масса — с большой примесью песка; поверхность сосудов — серого цвета. Представлены следующие формы: 1) круглодонный горшок (рис. 17 — 1); 2) горшок с остатками носика-слива (рис. 17 — 2); 3) плоскодонные массивные жаровни с невысоким бортиком (рис. 17 — 5).

На одном фрагменте «кухонного» горшка заметны отпечатки ткани. Изготовление посуды на матерчатом шаблоне характерно и для керамики Чуста. Прием этот широко применялся в керамическом производстве эпохи бронзы, особенно в области распространения андроновской культуры (Алексеевское поселение, Алакульский могильник, Южное Зауралье)¹⁰.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 143; К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 68; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 124 и др.

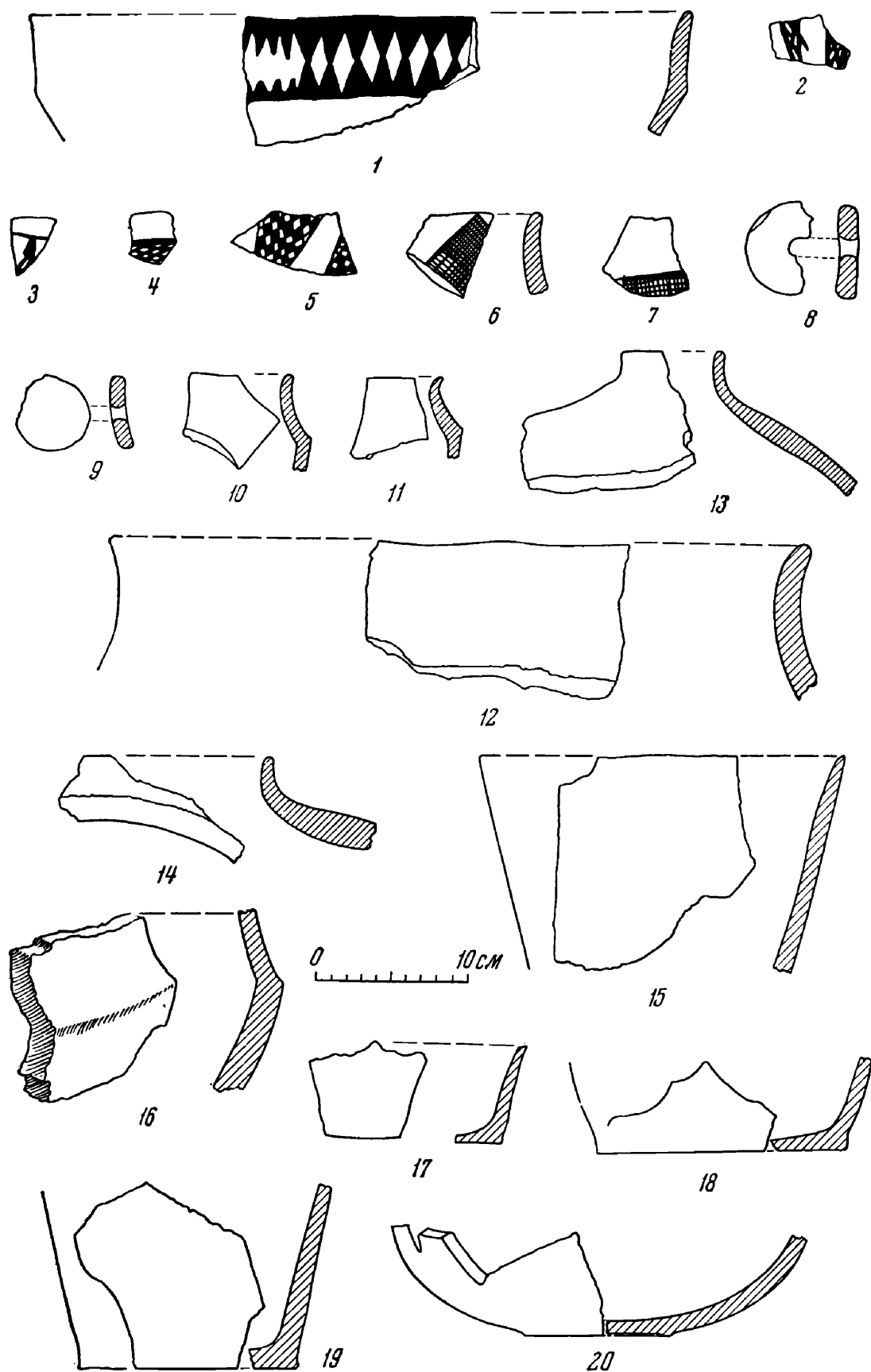

Рис. 16. Керамика Дальверзинского селища.
1—20 — первый тип (сосуды, покрытые красной облицовкой).

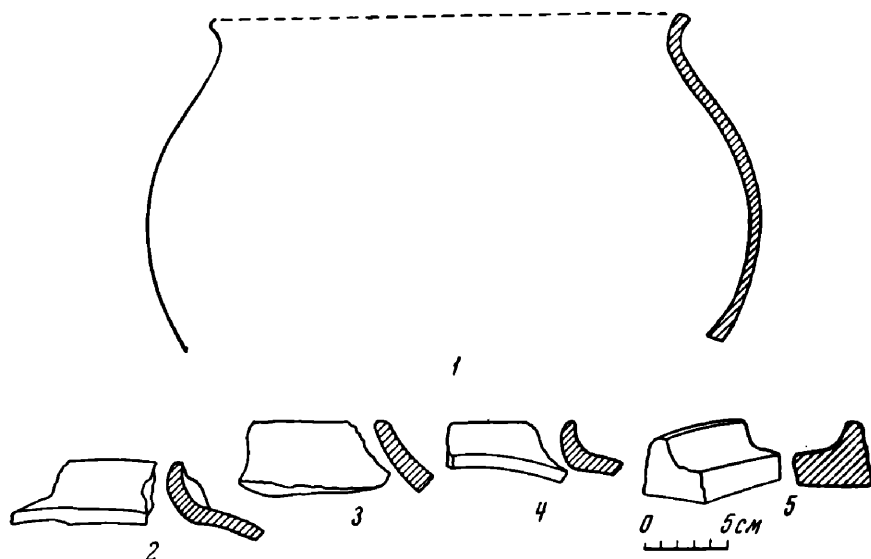

Рис. 17. Керамика Дальверзинского селища.
1—5 — второй тип («кухонная» посуда).

Известна находка сосудов с отпечатками ткани и в Южной Туркмении (Келифский Узбой)¹¹.

В Фергане можно насчитать около 20 более поздних памятников, в которых найдены фрагменты керамики с отпечатками ткани (в том числе и на Эйлатанском городище середины I тысячелетия до н. э.).

В Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э. этот прием был особенно широко распространен в Семиречье и на Тянь-Шане¹², в Ташкентском оазисе (бургулюкская культура¹³ и культура Каунчи¹⁴) в Фергане и Согде (Афрасиаб I)¹⁵, хотя здесь, вероятно, в меньшей степени. Некоторые исследователи полагали, что этот технический прием характерен только для усуньской культуры, и на основании находок керамики с отпечатками ткани высказывали предположение о распространении усуньской культуры, в частности, в Ферганской долине¹⁶. Накопление нового материала, свидетельствующего о применении этого приема в эпоху бронзы и во второй половине I тысячелетия до н. э. в разных областях Средней Азии, позволяет отвергнуть утверждение о принадлежности его исключительно культуре усуней.

Сравнение керамики Дальверзина и Чустского поселения показывает сходство и даже тождество в изготовлении (ленточным способом, а некоторых видов — на матерчатом шаблоне), в составе глиняной массы и покрытия, а также в приемах и характере орнаментации. По цвету и элементам орнамента сходство полное. Орнамент на сосудах из Чуста идентичен орнаменту на посуде из селища у Дальверзина¹⁷. Близки и формы сосудов: шарообразные кувшины, чаши с перегибом бортика, сосуды с растрескиванием, кружки. Однако при общем сходстве отмечаются частные отличия.

¹¹ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1951, № 3, стр. 89.

¹² А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 63, 108 и др.

¹³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узб. ФАН СССР, 1940, № 9, стр. 33.

¹⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 6.

¹⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 155.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1, стр. 107.

¹⁷ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 6, внизу.

Так, в Дальверзине отсутствуют чаши с вогнутой закраиной, нет сосудов на поддоне, тогда как в комплексе чустской керамики нет кольцевых поддонов, известных в Дальверзине. На обоих поселениях встречены прясла-грузики, изготовленные из обломков посуды.

На основании сходства керамики можно говорить об одновременности поселений Чуста и Дальверзина, о принадлежности их одной культуре и определить время существования Дальверзинского селища по аналогии с лучше изученным Чустским, датированным М. Э. Воронцом III—II тысячелетиями до н. э.¹⁸ В. И. Спришевский не указывает точной даты Чустского поселения, но сопоставление им материалов Чуста с Анау II не противоречит мнению М. Э. Воронца и приводит приблизительно к той же дате. О расписной керамике Чуста В. И. Спришевский пишет: «Эта посуда по технике выделки, формам (преимущественно чаши) и принципам орнамента чрезвычайно напоминает посуду из слоя Анау II (северный холм)»¹⁹.

В действительности же керамика из Чуста не похожа на посуду Анау II. Для Анау II и синхронного ему слоя Намазга II, как выясняется в результате последних работ Б. А. Куфтина²⁰ и В. М. Массона²¹, характерна полихромная роспись коврового характера. Ничего подобного в керамике из Чуста и Дальверзина не встречается. По формально-типологическим признакам (цветность, типичные элементы орнамента — решетка, заштрихованный треугольник) керамику Чуста следовало бы сопоставить с материалами Анау I. Однако такому сопоставлению противоречит комплекс бронзовых предметов (нож, шило, наконечник стрелы, зернотерки, костяные орудия), который находит близкие аналогии в андроновской культуре (рубеж II и I тысячелетий до н. э.). Сравнение лавролистного черешкового наконечника стрелы из Чустского селища с найденным в Анау не уточняет дату, поскольку самим исследователям Анау было неясно, к какому слою отнести бронзовый наконечник стрелы — к Анау III или Анау IV²². В то же время сходные наконечники стрел в Сялке (в некрополе В) датируются X—VIII вв. до н. э.²³ Этим временем, по-видимому, следует датировать и наконечник стрелы из Анау. Форма каменного навершия булавы из Чуста находит более близкие, чем в Анау II, аналогии в памятниках эпохи бронзы Восточной Европы II тысячелетия до н. э.²⁴ и в Казахстане (Алексеевское поселение X—VIII вв. до н. э.)²⁵.

Из всего этого вытекает, что датировка М. Э. Воронца явно отнесена к более раннему времени, и сейчас можно говорить лишь о конце II тысячелетия—начале I тысячелетия до н. э. как наиболее вероятной дате Чустского поселения, а следовательно, и Дальверзинского.

¹⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования...

¹⁹ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., стр. 71. На пленуме ИИМК в 1955 г. В. И. Спришевский изменил датировку и относил Чуст к концу II тысячелетия—началу I тысячелетия до н. э. (см. также заметку В. И. Спришевского в настоящем выпуске).

²⁰ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН Туркм. ССР, 1954, № 1, стр. 26—28; ср. R. P um p e l l y. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. I. Washington, 1908.

²¹ В. М. Массон. Керамика эпохи бронзы Южной Туркмении (по материалам Б. А. Куфтина). Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

²² R. P um p e l l y. Указ. соч., стр. 154—156, рис. 281, табл. 38, 6.

²³ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1935, vol. I. Paris, 1939, стр. 94, табл. XCII, 19, 20.

²⁴ Т. Г. Оболюева (Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, 1951, табл. VIII, № 5) опубликовала аналогичное навершие, которое она справедливо сопоставила с находками в Южной России (стр. 23).

²⁵ О. А. Кривонова-Гракова. Указ. соч., рис. 28, 3.

В ряде других пунктов Ферганы обнаружена оасписная керамика, сходная с чувской. Встречена она в Узгенском оазисе²⁶ — на городище Дунбулак, на одном тепе в оазисе у слияния рр. Каракульджа и Тар; расписной фрагмент найден во вторичном залежании на центральном городище в Узгене. Эти находки дополняют перечень ранее известных пунктов в Восточной Фергане с расписной керамикой бронзового века: в Гурмиране²⁷, Чакане²⁸ и, быть может, в Чаткале²⁹.

Открытие второго поселения и отдельные находки керамики, сходной с чувской, позволяют говорить о широком распространении в Ферганской долине культуры бронзового века чувского типа.

С каждым годом все более четко намечается новый очаг культуры бронзового века Средней Азии — в Фергане, в настоящее время представленный следующими памятниками: поселениями в Чусте и Дальверзине и находками расписной керамики в указанных выше 5 пунктах; курганами того же времени (с керамикой андроновско-тазабагыбского типа) в районе Вуадила и Карамкуля³⁰; керамикой на горе Сулейман-тау в Оше³¹ и в Кайрак-кумах³² в Северо-Западной Фергане, где найдены также бронзовые предметы; наскальными изображениями Лимбура³³ и древнейшей частью наскальных изображений Саймалы-таша³⁴; отдельными кладами и находками бронзовых предметов в 10 пунктах Ферганской долины и Южной Киргизии (возле Уч-кургана³⁵, Ринджитама³⁶, Хак³⁷, Успенówki³⁸ и др.).

²⁶ Работы Южно-Киргизского отряда.

²⁷ Находка опубликована в статье А. Н. Бернштама «В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня» — сб. «По следам древних культур (от Волги до Тихого океана)». М., 1954, стр. 271.

²⁸ Т. Г. Оболдуева. Указ. соч. табл. XI.

²⁹ Находки А. Кибирова (не опубликованы).

³⁰ Н. Горбунова и Б. Гамбург. Новые данные об истории Ферганской долины. Газета «Ферганская Правда», № 185 от 15 сентября 1954 г. (г. Фергана); и х же. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956.

³¹ А. Н. Бернштам. Историкоархеологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 186.

³² Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. (Краткий очерк). Сталинабад, 1954, стр. 35, 45.

³³ М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. Труды Кирг. гос. педаг. института, серия историч. вып. 2, 1950.

³⁴ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2.

³⁵ Т. Г. Оболдуева. Указ. оч., табл. VI, 1, 8.

³⁶ ОАК за 1895 г., стр. 80, 20, 201.

³⁷ ОАК за 1894 г., стр. 46, 10, 171.

³⁸ М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет». Ташкент, 1939.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

УКРЕПЛЕНИЯ ЧУСТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ МЕСТО
В ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Укрепленные поселения чустской культуры Ферганы позднего бронзового века — одни из наиболее древних на территории Средней Азии. Крепостные стены были открыты в 1956 г. на Дальверзинском¹, а затем на Чустском поселениях. Результаты изучения этих оборонительных сооружений получили отражение в ряде исследований². Помимо этих работ, ферганские укрепления рассматривались в некоторых общих трудах, где они получили самое противоречивое толкование³.

Противоречивые суждения, высказанные в литературе, побуждают вновь вернуться к чустским укреплениям, тем более что материалы, добытые на Дальверзине на протяжении 14 лет раскопок, до сих пор еще не систематизированы и не обобщены.

Дальверзинское поселение занимает овальный холм, вытянутый с запада на восток (560×360 м), общей площадью 25 га. По размерам оно является самым большим среди памятников чустской культуры. На поселении выделено три части, каждая из которых огорожена особой оборонительной стеной (рис. 1). Основная часть древнего поселка (в дальнейшем это будет Дальверзин I-Д1) имеет площадь около 18 га. Периметр ее составляет 1500 м. Остатки стены в виде земляного вала прослежены на всех краях холма, за исключением западного, где они были позднее разрушены. Стена тянется вдоль края холма, следуя его конфигурации. Восточный участок разделен промоиной на месте, очевидно, бывших Главных ворот на два отрезка: северный — более длинный — и южный — короткий. Последний почти полностью вскрыт (раскоп II). Оборонительная стена расчищена на участке длиной более 120 м. Удалось проследить место поворота и продолжение стены в юго-восточной части поселения. Для изучения конструкции стены она разрезана тремя траншеями. Установлено, что основание стены лежит на нижнем культурном слое, который перекрыт глинобитной платформой. На нее положен мощный слой утрамбованной земли с отдельными камнями и кирпичами. Все это сверху перекрыто панцирной кладкой из сырцового кирпича толщиной до 60 см. Толщина стены в среднем равна 4—6 м, высота сохранившейся части 2,5 м (рис. 2).

Северный отрезок восточной стены имеет примерно те же пропорции. Стена северного края поселения выделяется наибольшей толщиной и высотой вала. Она также построена на нижнем культурном слое (раскоп XI), но если под восточной стеной толщина этого слоя не превышала

50—80 см, то на вскрытом участке она достигает 1,75 м. Северная стена отличается и по устройству — она сложена из пахсовых блоков (50×50; 40×30 см). Толщина ее равна в среднем 4 м. Сохранилось только основание на высоту 0,90—1,25 м. К северу от этой стены на расстоянии примерно 2 м обнаружена вторая параллельная ей стена толщиной 1,2 м. Установлено, что основание второй стены залегает на одном уровне с первой. Очевидно, она построена для усиления укреплений. Обе стены составляют единое целое, а пространство между ними забутовано лёссовидным суглинком с мелкой галькой. В результате общая толщина северной стены равна 8 м.

С внешней стороны ко второй стене примыкает участок глинобитной платформы со сплошной выкладкой из мелкой гальки на уровне основания стены. Эта выкладка предназначалась для укрепления склона холма и предупреждения его оползания.

Таким образом, северная стена в отличие от восточной сложена из пахсовых блоков; она состоит из двух объединенных параллельных стен толщиной 8 м; подстилающий ее нижний культурный слой имеет значительную толщину; стена сохранилась на небольшую высоту. Наиболее интересную особенность выявили при изучении рельефа северного вала.

На исследуемом участке вал имел с внешней (северной) стороны выступ, представляющий подобие траверса, который в фортификации предназначался для защиты уязвимых мест в системе обороны. Дело в том, что к западу от раскопа XI поперек северного вала, на месте предполагаемого второго входа на поселение проходит лощина. Эта лощина ведет непосредственно ко входу в цитадель, и, вероятно, с целью усиления обороны входа на поселение с восточной стороны его был построен на северной стене дополнительный выступ (траверс). Возможно, что он выполнял функции башни, которые пока не обнаружены на Дальверзине. Необходимо оговорить, что устройство выступа-траверса надлежит еще исследовать.

На восточном краю поселения, к востоку от первой стены, на расстоянии 220 м проходит вторая стена. Она в виде дуги охватывает восточный участок поселения — ДII — площадью около 5 га. Концами вторая стена примыкает к первой. Периметр ее составляет около 600 м. Северный отрезок стены разрушен при проведении современного арыка. Восточный участок изучен в раскопе III. Совершенно неожиданно в раскопе X на южном краю ДII открыт участок мощной стены, окружавшей эту часть поселения с юга. Толщина ее 4 м. Она сохранилась на высоту 1 м. Очищена стена на протяжении 10 м, но проследить кладку кирпичей или блоков было невозможно, поскольку вся толща прорезана многочисленными корнями растений, в результате чего структура земли сильно изменилась (рис. 3). Судя по направлению южной стены, она примыкает к первой стене в месте ее поворота на юго-запад. Вторая стена построена также на нижнем культурном слое. По размерам и устройству она сходна с первой. Обе внешние стены, следовательно, сооружены одновременно, в один и тот же период существования поселения. Имеющиеся данные дают основания предполагать, что окруженный второй стеной участок ДII, на котором не обнаружено остатков жилищ и культурный слой которого по мощности и содержанию отличается от слоя на участке ДI, использовался в качестве загона для скота и как убежище для окрестного населения в случае опасности⁴.

Своим устройством выделяется третья, внутренняя стена, ограждавшая северо-западную часть — ДIII (цитадель), площадью 2,2 га ($1/10$ всей площади Дальверзинского поселения). Стена в плане имела форму дуги, концы которой соединялись с внешней стеной поселения. Периметр цитадели около 500 м. Нами полностью вскрыт восточный отрезок стены длиной 130 м, начиная от арыка на юге до места соединения с северной

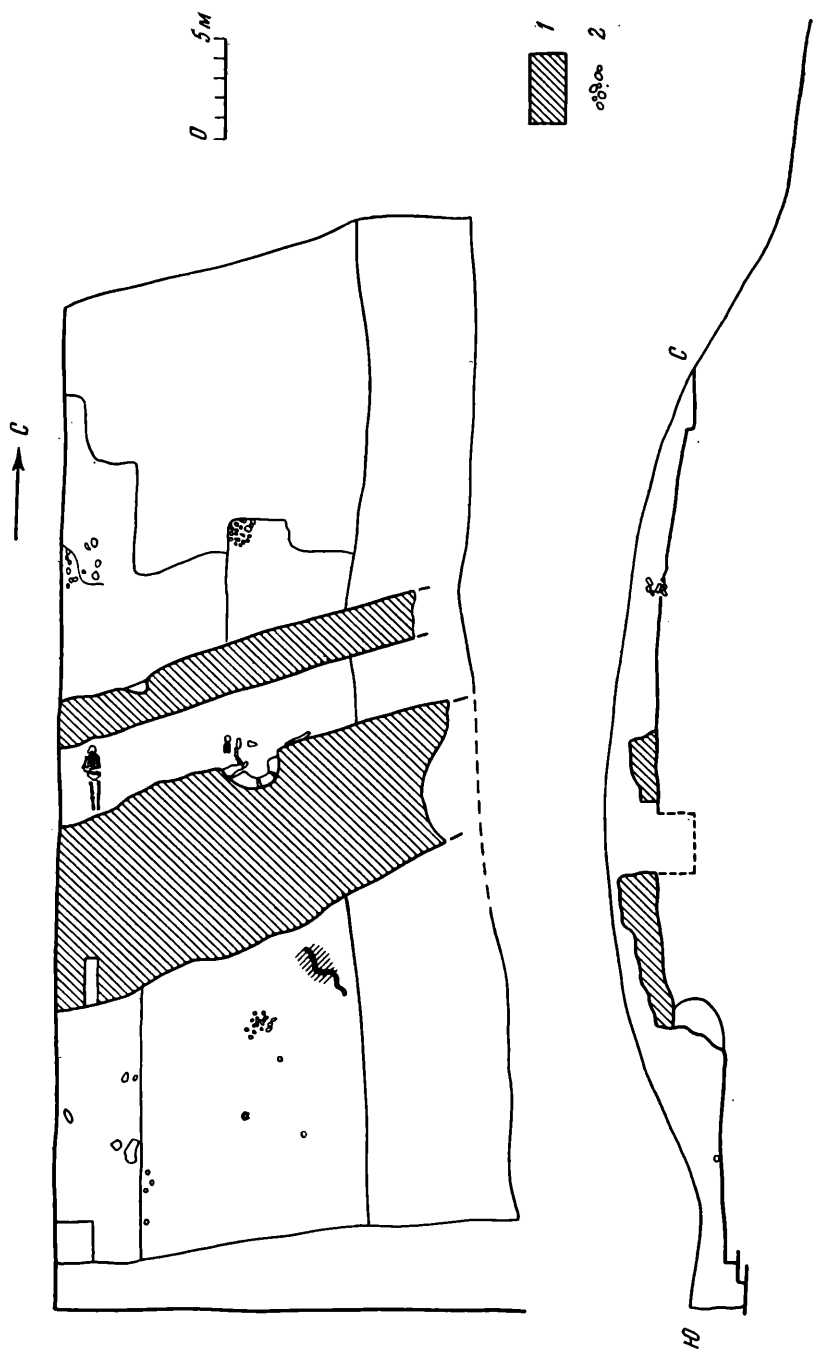

Рис. 2. Северный участок оборонительной стены
1 — оборонительная стена; 2 — отдельные камни и скопления камней

крепостной стеной. На всем протяжении стена расчищена с внешней (восточной) стороны и только в южном конце оконтурена с обеих сторон. На небольшом участке она была разрезана траншеей и при этом выявлено, что стена построена на нижнем культурном слое толщиной 60—80 см. Сложена она целиком из крупных сырцовых кирпичей черного и зеленого цвета. Толщина стены 2,5 м, высота 2,6 м. Вскрытый участок крепостной стены, с которым соединялась внутренняя стена, сооружен из крупных пахсовых блоков, как на исследованном участке в раскопе XI, и имеет толщину 5,4 м. Примерно в 20 м к югу от северной крепостной стены во внутренней стене находился упоминавшийся вход в цитадель (раскоп IX).

Южный отрезок внутренней стены вскрыт в раскопе VII на всем сохранившемся участке длиной 40 м. Таким образом, нами раскопана вся сохранившаяся часть внутренней стены длиной более 170 м. Детально изучено устройство южной части стены в небольшой траншее. На дне ее на материковом грунте залегал нижний культурный слой толщиной 50 см. Поверхность его была выровнена слоем глины с обломками кирпича. На эту глиняную подушку положен слой из семи рядов кирпича в широтном направлении (вдоль стены). Он перекрыт выравнивающим слоем глины, на который уложено четыре ряда кирпича в меридиональном направлении (поперек стены). Этот слой в свою очередь перекрыт выравнивающим слоем и т. д. Отмечается довольно регулярная кладка кирпича вперевязку. Всего удалось выявить 37 таких слоев. Толщина кирпичной кладки стены 2,5 м. Она сохранилась на высоту 3 м (рис. 4). Внутренний (северный) край стены вертикально-ровный, а с южной стороны, обращенной внутрь поселения, к основанию стены пристроена глинобитная платформа толщиной 5 м и высотой 1 м. В основании стена, следовательно, достигает 8 м, как и на северном участке крепостной стены.

К южной стене непосредственно примыкают 11 помещений, которые скомпонованы по несколько комнат вместе. Лучше всего сохранился комплекс помещений 7—10, ориентированных длинной осью с севера на юг. В середине его находится большой зал—комната 8 (размерами 7,2×7,0 м, площадью около 50 кв. м), по краям его располагаются две узкие комнаты, а с северной стороны ко всем трем комнатам примыкает большое помещение 10—нечто вроде айвана. Другой комплекс также состоит из четырех помещений, но ориентированы они иначе—по направлению запад—восток.

Кроме того, имеются остатки стен от помещений третьего комплекса. Следует обратить внимание на правильную планировку этих помещений и на относительно большие размеры их. Все постройки на участке ДIII располагались вдоль периметра оборонительной стены, на полосе шириной 20—40 м, а в центре построек не было, и здесь, по всей вероятности, была Главная площадь.

Внутренняя стена по устройству отличается от внешних тем, что она целиком сложена из сырцового кирпича. Это было обусловлено, вероятно, особым назначением ее.

Оборонительные укрепления Дальверзина в целом составляют сложную систему, как было уже сказано, из двух внешних стен и одной внутренней.

Здесь представлены три разновидности конструкции—стена из сплошной кирпичной кладки, стена из насыпной земляной основы с панцирной кладкой из кирпича и стена, сложенная из пахсовых блоков. Такое разнообразие несомненно свидетельствует о значительном развитии фортификационного строительства в Фергане, но в настоящее время трудно сказать, чем конкретно было обусловлено применение того или иного строительного материала и определенных приемов строительства. Следует полностью исключить хронологические различия, поскольку

стратиграфическое положение всех трех открытых стен одинаково — все они построены на нижнем культурном слое. Следовательно, все три стены Дальверзина возникли в один период (в широких хронологических рамках). Это подтверждается и однородностью всего большого комплекса находок. Об этом же позволяют говорить и некоторые расчеты.

Попробуем представить более конкретно, сколько времени и труда необходимо было затратить на сооружение укрепления Дальверзина. Периметр стены Дальверзина I составлял примерно 1500 м, а если исключить западный отрезок, где остатки ее не прослежены, то — 1200 м. Толщина стены в среднем равна 4—6 м. Вероятная высота — не менее 5—6 м. Условный объем стены в первом случае составит: $1500 \times 4 - 6 \times 5 - 6 \text{ м} = 30000 - 54000 \text{ куб. м}$; во втором случае: $1200 \times 4 - 6 \times 5 - 6 \text{ м} = 24000 - 43200 \text{ куб. м}$. Допустим, что в строительстве было занято 100 человек и каждый древний строитель мог выработать (на сооружении глинобитной подушки, в изготовлении и кладке кирпича и т. п.) в день в среднем 2 куб. м. При определении этой нормы мы опирались на имеющиеся в литературе данные. Так, в статье В. М. Массона⁵ приведены шумерские нормы кладки кирпича — 1,5 куб. м на человека в день, норма переноса кирпича на расстояние 360 м — около 1 куб. м. В работе К. Х. Кушнareвой⁶ указаны шумерские нормы землекопа — 3 куб. м, переноски земли в корзинах на расстояние 6 м — 30 куб. м, а норма насыпки земли — 6 куб. м⁷. По среднеазиатским этнографическим данным один рабочий за 6—8 часов мог изготовить 500—800 кирпичей размером $8 \times 4 \times 2$ вершка, что при перерасчете составляет 3—4,5 куб. м⁸. Учитывая приведенные данные, приходится признать, что принятая нами норма является минимальной. Разделим общий объем стен на указанное число строителей и дневную норму и получим, что в первом случае стена могла быть построена в течение 150—

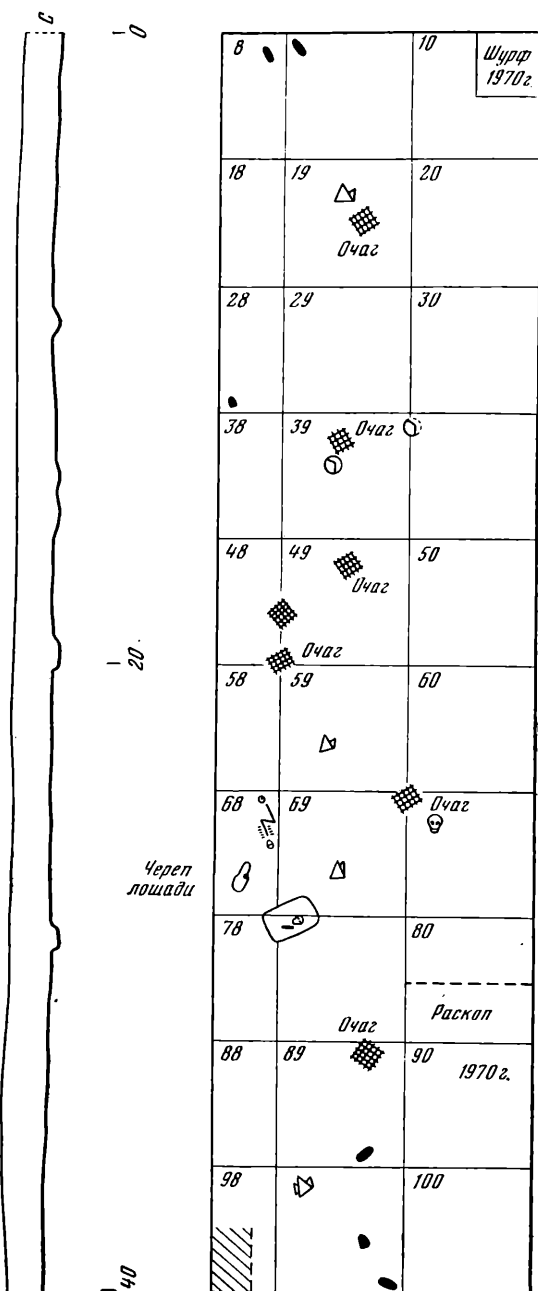

Рис. 3. Участок оборонительной стены поселения Дальверзин II

- 1 — фрагменты керамики;
- 2 — зернотерка;
- 3 — жилая поверхность;

270 дней, а во втором случае — за 120—216 дней, т. е. практически основная работа по возведению стены, окружавшей все поселение, могла быть закончена в течение одного года, исключая дождливый сезон, общинные праздники, дни уборки урожая и т. п. И если даже допустить, что объем стены был значительно больше, или производительность труда была в два-три раза меньше, или количество самих строителей было меньше,

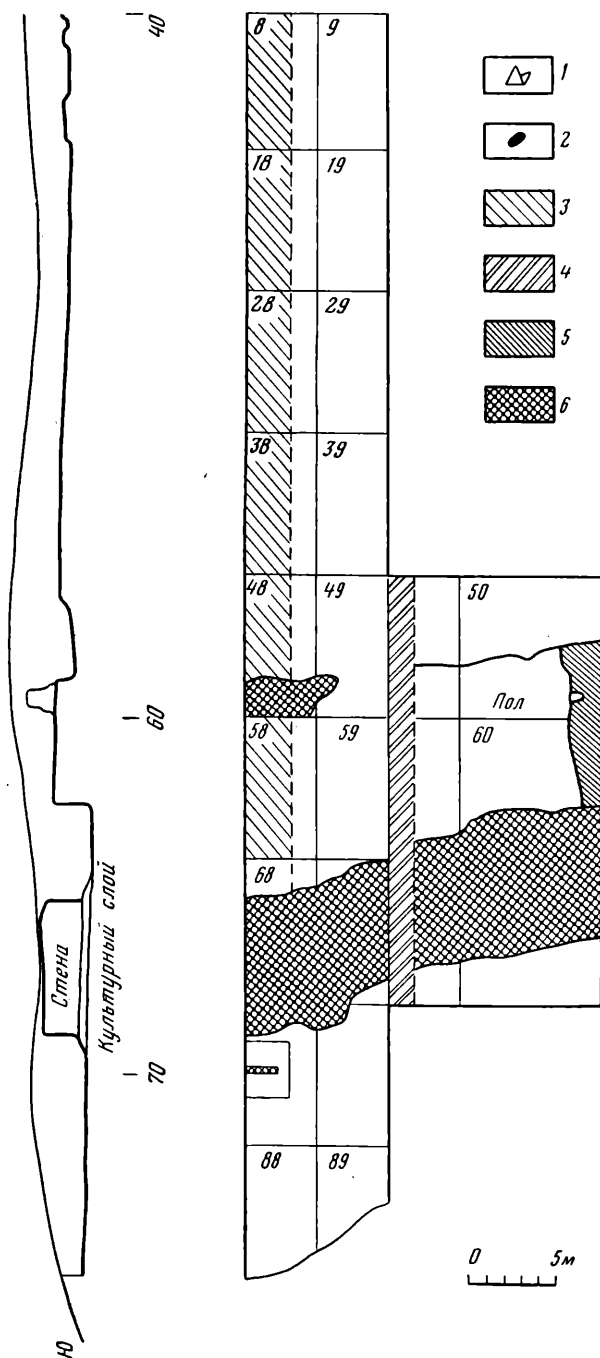

Рис. 3 (окончание)

- 4 — бровка;
5 — второй пол;
6 — стена

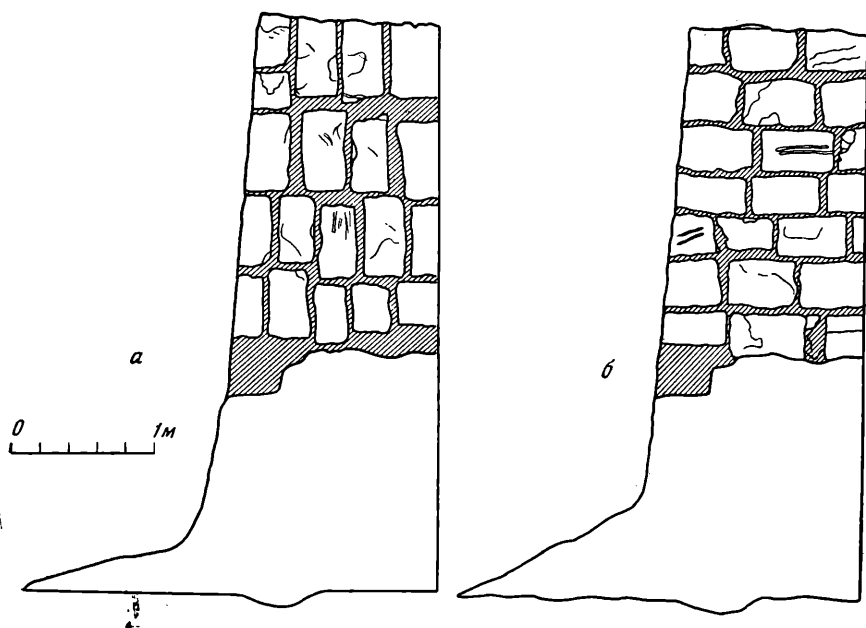

Рис. 4. Разрез южной стены цитадели
а — кладка кирпича ряда 13; б — кладка кирпича ряда 15

чем условно принято в нашем расчете, то и в таком случае оборонительная стена могла быть построена за два-три года, максимум за пять лет. Приведенные цифры, разумеется, условны и весьма приблизительны, но они все же позволяют сделать вывод о реальной возможности построить за сравнительно короткий срок, а с точки зрения археолога — практически одновременно, все три стены Дальверзина.

Изучение оборонительных укреплений Дальверзина прежде всего позволило наметить периоды существования поселения, и следует подчеркнуть, что новые данные подкрепляют предложенную периодизацию:

I — период существования открытого поселения, без оборонительных стен, когда отложился нижний культурный слой. Эти отложения выявлены в основании стен на всех частях поселения. Первый период, судя по незначительной толщине слоя — 50—80 см, был непродолжительным.

II — период постройки и функционирования мощных фортификационных сооружений. Ему соответствует основная толща культурных наслоений — 2,5—4 м. Судя по толщине культурного слоя, основным был именно второй период — время существования Дальверзина как сильно укрепленного поселения.

III — период упадка и разрушения стен в конце существования поселения, когда их не ремонтировали и когда образовался верхний культурный слой, перекрывающий развалины укреплений (толщиной до 60 м). В это время лишь в цитадели производится частичная перестройка. Здесь к кирпичной кладке южной стены добавлена пристройка из паховых блоков. Весьма вероятно, что в этот период сохраняют свое фортификационное значение только укрепления цитадели.

Выделенные три периода по материалам изучения укреплений находят полное соответствие в трех строительных горизонтах, прослеженных во всех раскопах, и в совокупности эти наблюдения составляют твердое основание периодизации истории Дальверзинского поселения.

Из заключения об одновременности сооружения трех стен во втором периоде следует, что одновременно возникло и разделение поселка на три

части, т. е. оно появилось сразу же и было, если можно так сказать, запланировано, а не сложилось стихийным образом. Подобное членение представляет большую редкость на первобытных поселениях Средней Азии, и поэтому изучение его приобретает не локальное ферганское, а более широкое общесреднеазиатское значение. Указанная особенность исторической топографии Дальверзина, очевидно, обусловлена социально-экономическими причинами, которые могут быть в какой-то мере выявлены и объяснены только при установлении назначения отдельных частей древнего поселка. В этой связи особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о назначении северо-западной части, которая, по нашему мнению, являлась цитаделью. Этот участок мало выделялся в рельефе, и каких-либо внешних признаков обособления его как цитадели до проведения раскопок нельзя было заметить. Поэтому ранее я пришел к выводу об отсутствии цитадели на поселениях чустской культуры. Однако результаты работ последних лет заставляют теперь пересмотреть это заключение.

Прежде всего рассмотрим содержание понятия «цитадель». В археологии цитаделью принято называть обособленную часть внутри поселения, обычно возвышенную и господствующую над ним, обязательно окруженную особой стеной и служившую местом пребывания правителя и правящей верхушки. В таком определении можно выделить три критерия: 1) цитадель как топографически обособленная часть поселения; 2) цитадель как сильно укрепленная часть поселения и важное звено в фортификационной системе и 3) цитадель как место обитания правящей верхушки общины и место сосредоточения зданий общественного назначения, что обусловлено социальной структурой общества.

В ходе раскопок Дальверзина и более тщательного изучения рельефа установлен факт топографического выделения участка ДIII, окруженного мощной стеной. Следовательно, два критерия определения цитадели вполне применимы к Дальверзину. Что касается последнего критерия, то несмотря на отсутствие прямых данных можно предположить высокий уровень социально-экономического развития чустских племен, который только и мог предопределить возможность появления крупных поселений такой сложной структуры, как Дальверзин. Имеющиеся материалы в совокупности дают основания считать северо-западный участок Дальверзина цитаделью. Она является одной из древнейших в Средней Азии.

Интересные данные, дополняющие наши представления о фортификации эпохи бронзы Ферганы, получены многолетними исследованиями В. И. Спришевского на Чустском поселении. Оно относится к группе поселений среднего размера — площадь его всего 4 га. Кирпичная оборонительная стена имеет в плане форму ломаной кривой и обособляет северо-западную часть поселка площадью около 1,5 га, что составляет около $\frac{1}{3}$ всей территории поселения. Стена вокруг самого поселения не обнаружена. Периметр сохранившихся укреплений равен 286 м. Отдельные участки их неодинаковы и различаются по особенностям конструкции, размерам кирпича и прежде всего по толщине. Северный дуговидный участок сохранился лучше всего. Здесь толщина стены равна 3 м, наибольшая высота — 4—5 м. Стена сложена из крупного сырцового кирпича и возведена на подстилающем (нижнем) культурном слое. С внешней стороны к ней пристроена небольшая глинобитная платформа с узкими помещениями, представляющая собой подобие бастиона с башнеобразным сооружением. Юго-восточный участок резко отличается от предыдущего меньшей толщиной стены (1,5 м) при высоте не более 2 м.

Четко обособленное укрепление Чустского поселения, как полагает исследователь, «служило загоном для домашнего скота в ночное время и как укрытие во время нападения врагов»⁹.

Таким образом, оборонительное сооружение в Чусте в отличие от Дальверзина ограждало не все поселение, а только северо-западную часть его. Наибольшее сходство по устройству отмечается с кирпичной стеной цитадели Дальверзина. Совпадают даже размеры кирпича. В то же время стены Чуста резко отличаются от обеих внешних стен Дальверзинского поселения. Исходя из всего этого, можно по аналогии с Дальверзином допустить, что укрепленная часть в Чусте также служила цитаделью. Объективности ради следует напомнить, что в тексте диссертационной работы В. И. Спришевский высказал более определенное предположение — он считал укрепления Чуста прототипом цитадели.

Особо надо отметить, что Чустское поселение, как и Дальверзинское, первоначально также не имело укреплений. Вероятно, не случайно, что и здесь они появились во втором периоде существования поселка и, следовательно, имеются основания считать, что укрепления возникли одновременно в разных частях Ферганской долины. Своеобразие фортификации Чуста более всего сказалось в дополнительной пристройке с внешней стороны. Эти укрепления отличаются также более сложной конфигурацией.

Открытие цитадели на двух поселениях чустской культуры не только свидетельствует об усложнении приемов первобытной фортификации, но и служит указанием на развитие процессов социальной дифференциации в обществе. В целом же оборонительные укрепления этих поселений отражают сравнительно высокий уровень фортификационного строительства в Фергане на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Появление их в тот период несомненно следует увязать с ростом богатства населения и с потребностями охраны, а также с усилением опасности военных столкновений. Общеизвестно, что рассматриваемый период был временем значительных передвижений населения на территории Средней Азии.

Для определения места ферганских укреплений в истории первобытной фортификации Средней Азии обратимся к рассмотрению имеющихся по этому вопросу материалов. Раньше всего оборонительные сооружения появились в южных районах Средней Азии. Если исключить обводные стены энеолитических поселков Южной Туркмении, которые только условно можно назвать оборонительными и которые ввиду незначительной толщины стен (50—60 см) скорее всего, как правильно заключает В. М. Массон, представляли собой заборы-дувалы¹⁰, то впервые об укреплениях можно говорить для периода Намазга IV (III тысячелетие до н. э.). Стены, относящиеся к этому периоду, открыты на поселении эпохи бронзы Алтын-депе. Они сложены из сырцового кирпича. Толщина их равна 2—4 м. По предположению А. Ф. Ганялина, стены, возможно, ограждали отдельные массивы, а не все поселение¹¹.

Своеобразны укрепления в виде системы «жилых стен», выявленные в последние годы А. А. Аскаровым на древнеземледельческом поселении Сапали-тепе в долине Сурхандарьи¹². Оно относится к культурному комплексу периода развитой бронзы Намазга V—VI и датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Укрепления известны также на ряде памятников Южной Туркмении эпохи варварской оккупации рубежа II—I тысячелетий до н. э. (Елькен-депе и др.). Однако следует признать, что оборонительные сооружения на поселениях в южных районах Средней Азии (как более ранние, так и синхронные ферганским) исследованы еще недостаточно. Несмотря на это, сравнительное изучение укреплений чустских и южнотуркменистанских поселений, таких как Яз-депе и Елькен-депе, позволяет заключить, что по степени развития фортификации и по мощности крепостных стен Дальверзин выделяется среди всех известных в настоящее время укрепленных первобытных поселений Средней Азии. Это, пожалуй, наиболее сильно укрепленная крепость с хорошо продуманной и развитой оборонительной системой.

- ¹ Заднепровский Ю. А. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа). — МВСАЭСА.
- ² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962; он же. Чустская культура в Ферганской долине. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966; он же. Работы в Узбекистане. — АО 1965 г. М., 1966; он же. Десятый сезон раскопок на Дальверзинском поселении. — АО 1968 г. М., 1969; он же. Цитадель Дальверзина. — АО 1969 г. М., 1970; он же. Раскопки на Дальверзинском поселении. — АО 1970 г. М., 1971; он же. Поселение Дальверзин. — АО 1971 г. М., 1972; Спришевский В. И. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963; он же. Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана. — СА, 1972, № 3.
- ³ Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. — КСИА, 108, 1966, с. 44; Грязнов М. П. Бронзовый век. — В кн.: История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, с. 64.
- ⁴ Заднепровский Ю. А. Поселение Дальверзин, с. 511—512.
- ⁵ Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 127, 1971.
- ⁶ Кушнарера К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. — КСИА, 134, 1973.
- ⁷ Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III—I тысячелетий до н. э. М., 1961.
- ⁸ Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области. Ташкент, 1912, с. 141—142.
- ⁹ Спришевский В. И. Оборонительное сооружение..., с. 230.
- ¹⁰ Массон В. М. К эволюции оборонительных стен..., с. 43.
- ¹¹ Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1966 гг. на Алтын-Тепе. — СА, 1967, № 4, с. 208—209. Разрез этих стен и дополнительные данные приведены в статье В. М. Массона «Протогородская цивилизация на юге Средней Азии» (СА, 1967, № 3, рис. 4).
- ¹² Аскаров А. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. — ОНУ, 1971, 8, с. 41. Автор имел возможность ознакомиться с укреплениями в процессе раскопок. Приношу глубокую благодарность А. Аскарову за ознакомление с неопубликованными материалами.